

И последний сюжет — по поводу универсальных проектов. Да, мировые религии, безусловно, являются древними универсальными проектами, давно поделившими мир. Здесь говорят, что национальные государства — враги мировой религии. Это верно в той же степени, в какой они являются врагами любого другого мирового проекта. Сегодня это глобализм, а до этого был интернационализм. Тем не менее, национальные государства уживались и уживаются с мировыми религиями. Мне кажется, не надо идею национального государства и, соответственно, консерватизма преследовать из-за того, что это просто другой уровень культурной идентичности. Ведь даже империи (тоже универсальные проекты) не обращали всех в свою религию, они были веротерпимыми. Когда мы пытаемся срезать многообразие культур, аккумулированных в национальных государствах, мы теряем культурное разнообразие, теряем адаптивность человеческой культуры в период антропологического перехода. К сожалению, современный проект глобализации не культуроцентричен, он пытается редуцировать культурные слои на огромных территориях планеты, обрекая себя и нас на вырождение. Поэтому нужна совершенно иная форма глобализации, гармонизирующая национально-культурные интересы, традиции и инновации многих субъектов глобализации.

Красиво, но непонятно о чем

***С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук***

Позволю себе несколько минут, чтобы отреагировать на доклад и дискуссию. В принятой у нас на семинаре открытой форме скажу, что я был абсолютно обескуражен, подавлен, дезориентирован Вашим докладом. Он блестящий, наполнен-

ный глубочайшей эрудицией, массой апелляций к мировым источникам, какой-то безумной творческой реактивностью. Когда Вы отвечаете на вопросы, складывается впечатление, будто Вы уже неделю над ними думали. Это совершенно замечательные свойства сегодняшнего доклада и дискуссии.

Но о чем мы говорили? В чем смысловое ядро? В своем вопросе к докладчику я пытался перечислить пять или шесть альтернативных ответов на естественные вопросы: о чем мы говорили? что есть такое консерватизм? Ответа я не получил. Его вообще невозможно получить, потому что избранный творческий стиль, жанр доклада в основе своей имеет один секрет. Самое главное — в нем нет категориальной определенности предмета доклада и дискуссии. Это сознательно размыто. Получается, что разговор идет обо всем, для всех исторических периодов, ситуаций и поводов. Без начала и, соответственно, без конца. В результате возникают неразрешимые смысловые тупики. Например, попытка расположить консерватизм в ряду идеологий привела к тому, что консерватизм, по мнению докладчика, — это «примат общественного над индивидуальным». Но оденьте эту одежду на республиканскую партию США и Рейгана, как представителя совершенно иной философии, и вы увидите, что это утверждение ошибочно. Потому что здесь доминируют интересы как раз меньшинства, идеи либерализма как противопоставления интересам большинства. А ведь они КОНСЕРВАТОРЫ. Приблизились ли мы тут с помощью доклада к пониманию реалий? Представляется, что отдалились.

С другой стороны, консерватор Лигачев — конечно же, он консерватор, но его консерватизм основан на совершенно иной идеологической матрице. Тут действительно примат интересов большинства по сравнению с интересами меньшинства.

Или еще такая обнажающая реплика из доклада: консерватизм — это борьба и противостояние всевластию денег. Откуда эта ценностная характеристика консерватизма? Я возра-

жаю. Моя мысль заключается в том, что консерватизм — это не идеология, в нем нет постоянных, инвариантных историй, нет своей ценностной матрицы. Он все время мимикрирует, все время меняется, подстраиваясь под ситуацию, конъюнктуру, статус-кво. Поэтому второй мой тезис заключается в том, что мы имеем дело с категорией не идеологической, не ценностной, а почти технологической, поведенческой. Это технология социального действия, элемент *развития* в широком философском смысле этого слова, для которого обязательно должно быть закрепление, охранительство достигнутого и изменчивость, флуктуация, попытка модернизации, инновационности. Смысловой ряд, в котором я вижу обсуждаемую категорию, — это консерватизм и модернизм. И тут важно движущее начало — их конфликт. На этом пути я нахожу ответ на вопрос соотношения категорий традиционализма и консерватизма. Докладчик вообще обошел этот вопрос, потому что в том категориальном пространстве, которое он применил, найти различия традиционализма и консерватизма невозможно.

Я бы привел такую механистическую модель традиционализма — модернизма — консерватизма. Возьмем автомобиль. У него есть газ. Давим на газ — ускоряемся. Это модернизация. Классность водителя заключается в том, чтобы не дергаться, ехать плавно, без рывков. Для этой цели имеется тормоз (если слишком понесло под горку). Эта плавность, текущая преемственность и есть консерватизм. А вот нарушишь традицию ехать по асфальтовой дороге, крутанешь руля, как, скажем, это происходит в современной России, — обязательно попадешь в кювет.

Традиционализм — это сродни культуре, это длительные отобранные, накопленные, закрепленные лучшие практики общества. Лучшие по опыту! Вполне возможно, что еще более хорошие практики — впереди! И к ним приведет новый опыт, новый риск, попытка в виде модернизма. Поэтому традиционализм фундаментален, продолжителен, вместе с мо-

дернизмом рождает движение, развитие, равно как изменчивость и закрепляемость в эволюции жизни. А консерватизм? Так, ситуативная по историческим меркам конъюнктурная уособица, все время меняющая свое лицо.

У автомобиля — тормоз. Мне, положим, не нравится, когда что-то меняется, когда что-то, ускоряясь, видоизменяется: например, какие-то исторически локальные ценности — феодалские ли, социалистические ли, в XII в., XIX в., XXI в. — давим на тормоза. И независимо от века и от предмета — это консерватизм.

Тогда — что есть традиционализм? Он очень сродни консерватизму, но он не тормоз, а закрепление некоторого накопления. В чем разница? Консерватизм закрепляет ситуативно, локально самые различные и вовсе не обязательно *оптимальные и лучшие практики* и ценности, с точки зрения прогрессивного развития для всего социума, способные сохранять конфликты интересов меньшинства и большинства. Напротив, традиционализм — это длительные, глубинные исторические накопления, как это делает и природа, лучших практик, практик успешности. Традиционализм — это есть не только закрепление (что пытается локально делать и консерватизм), но, кроме того, это еще коммуникация, передача между поколениями социальных, культурных накоплений. Поэтому традиционализм — это закрепление и передача в многочисленных временных коммуникациях, а консерватизм — это всего лишь локальное в историческом смысле закрепление. Вот я и получил соотношение этих понятий.

Что есть категориальное смысловое ядро консерватизма и традиционализма? Докладчик совершенно ушел от определения понятий! В противном случае весь высокоинтеллектуальный доклад попросту испарился бы, поскольку в понятийной базе он весь — от начала до конца — висит в воздухе. Консерватизм у докладчика даже нацелен субъектно, что практически фантазмагорийно. Почему не дать понятие? Для меня консерватизм — это социальная практика. Почему не го-

ворить на этом языке? Понять это отказываюсь. Хотя, честно сказать, вижу, что иной язык — «от дядьки в Киеве до бузины в огороде» — слишком часто выдается за язык науки.

Мне кажется в итоге, что методологически сегодняшний семинар совершенно замечательный и поучительный. Он показывает различную стилистику мышления, словаря, метода. В.М. Межуев сказал, что доклад — это настоящая философия. Хочу возразить. Получается, что «настоящая философия» — это когда говорят *неизвестно* о чем. Не согласен. Позволю себе защитить философию. Философия — это ответственность за термины, за их употребление, это жесточайшая логика, которая выстраивает смыслы в систему постижения и накопленный акт познания, некоторое новое знание. Именно это для меня является настоящей философией. А когда разговор идет «от забора до обеда», то это не философия. Это называется иначе. Думаю, тут нет фатального противопоставления, эта устремленность, наверное, все-таки от разных наук, разных школ. Но, надеюсь, кто-то меня поддержит в том, что если в итоге дискуссии становится непонятным, о чем же мы говорили, а в итоге другой дискуссии, поняв и сохранив это понимание, приходим к новому акту знания и к новой рекомендации на какую-то практику, то я бы выбрал все-таки вторую модель научной дискуссии, в том числе и междисциплинарной.

Позвольте еще раз поблагодарить докладчика за ошеломляющий, интереснейший, высоконаучный, высокопрофессиональный и блестящий доклад.